

ЯНЧУК В.А.

ГУО «Академия последипломного образования», Республика Беларусь, г. Минск,
ул. Некрасова, 20.

Профессор, доктор психологических наук.
yanchuk@academy.edu.by

УДК 159.9(091)(470)«19»

Л.С. Выготский и культурный переворот в психологии

Статья посвящена проблеме влияния наследия Л.С. Выготского на процесс культуризации современного психологического знания. Анализируется значение идей знаковой опосредованности развития высших психических функций и культурного наполнения значения знака в развитии современных представлений о природе и специфике психологического знания. Демонстрируется влияние культурного обусловливания на психическую активность в широком спектре ее проявлений в контексте кросс-культурной и культурной психологии. Дается характеристика роли культуры как системообразующей интердетерминанты социокультурно-интердетерминистской диалогической метатеории интеграции психологического знания.

Ключевые слова: знаковая опосредованность; значение знака; культура, культурная обусловленность; принцип диалогической интердетерминации; социокультурно-интердетерминистская диалогическая метатеория интеграции психологического знания.

L.S. Vygotsky and cultural earthshaker in psychology

The article is devoted to the problem of L. Vygotsky heritage impact on the process of modern psychological knowledge culturalisations. Analyzes the importance of the ideas of sign mediation of higher mental

functions and signs meanings cultural filling in the development of modern ideas about psychological knowledges nature and its specificity. It shows the effect of mental activity cultural conditioning in wide variety of its manifestations in the context of cross-cultural and cultural psychology. Culture is characterised as system interdeternants of sociocultural-interdeternist dialogical metatheory of psychological knowledge integration.

Key words: culture; cultural conditioningness; principle of dialogical interdeternation; signs meaning; sign mediation; sociocultural-interdeternist dialogical metatheory of psychological knowledge integration.

Введение. 120 лет назад молодой человек из провинциальной Беларуси вышел на авансцену только зарождающейся советской психологии и через несколько лет встал в ряд выдающихся психологов современности. Его вклад в развитие психологической науки оказался настолько велик, что позволило крупнейшему философу и представителю социальных наук Стефану Тулмину назвать его «Моцартом психологии», поместив между такими фундаментальными фигурами как Фрейд и Пиаже [Wertsch, 1988, с. 81].

Не останавливаясь на детальном анализе вклада Л.С. Выготского в развитие психологии и ограничившись констатацией созданием им основ культурно-исторического подхода к психологическим феноменам в целом и роли культуры в формировании высших психических функций в частности, сконцентрируюсь на реконструкции того самого культурно-исторического контекста и создавшего необходимые предпосылки для актуализации его талантов.

Во-первых, это время трансформаций в российской имперской общественно-политической системе, характеризовавшееся появлением демократических свобод и новых возможностей для появления новых личностей. Свидетельством этому является сама возможность поступления на юридический факультет МГУ че-

ловека из «глубинки», получившего к тому же возможность обучаться и в Москве, и в Петербурге, да еще и в Народном университете Шанявского.

Во-вторых, блестящее образование, полученное им в Гомеле и возможность приобщения к мировому культурному наследию через книги крупнейших исследователей того времени, имевшихся в библиотеках. Следует заметить, что на русский язык переводились работы практически всех крупнейших мыслителей того времени. И это сохранялось вплоть до известных событий 1930-х годов. Что создавало возможность приобщения к достижениям мировой интеллектуальной мысли в различных областях знания, способствуя формированию общекультурной и научной эрудиции.

В-третьих, исходная междисциплинарность, проявившаяся, в частности, в том, что закончив юридический факультет МГУ, Л.С. Выготский преподавал литературу и психологию в школе и эстетику и историю искусств в консерватории. Более того, он организовал психологическую лабораторию в Гомельском педагогическом училище в рамках которой проводил экспериментальные исследования и прочел цикл лекций, послуживших основой для опубликования в 1926 году Педагогической психологии. Будучи культурно развитым человеком, он прорабатывал труды Джемса, Аристотеля, Спинозы, Фрейда, Маркса, Энгельса, Гегеля, Павлова, таких российских формалистов как Щерба и Потебня и многих других.

В-четвертых, без каких либо препятствий он принял активное участие в работе 6-го Всероссийского психо-неврологического съезда, открывшегося 6 января 1924-го года. Именно после блестящего выступления на нем он был приглашен директором психологического института Н.К. Корниловым в качестве сотрудника. В 1925 году он защищает диссертацию на тему «Психология искусства», написанную на основе материалов, собранных в 1916-м году в Гомеле.

В-пятых, он имел возможность переписываться с выдающимися исследователями того времени вступаю с ними в дискуссию, в частности с Пиаже, что говорит и о наличии открытой научной коммуникации и научного сообщества без границ. Причем в этой коммуникации нет «мэтров» как носителей абсолютных истин и «подчиненных», безропотно воплощающих их. Есть свободные ученые, заинтересованные в нахождении решений по обсуждаемой проблеме и не стесняющихся высказывать свое несогласие с тем, что воспринимается как недостаточно аргументированное, и, одновременно, «снимающих шляпу» перед исчерпывающими аргументами, не боясь быть униженными. Речь идет о научном сообществе людей, обладающих чувством собственного достоинства и уважительного отношения к достоинству другого, подчиненных поиску научной истины, как бесконечному процессу открытий, уточнений и переосмыслений.

В-шестых, Л.С. Выготский был искренним приверженцем марксизма, пытаясь применить его идеи к реформированию всех областей интеллектуальной активности и марксистскому анализу мышления, в частности. Одной из своих задач он видел ускоренную трансформацию российского (в большинстве своем неграмотного) общества помогая сформировать «нового советского человека». Поэтому для него было особенно важно выявление условий такого ускоренного формирования личности нового человека. Одним из них было создание всеохватывающего теоретического подхода, стоящего на «трех китах»: 1) генетический метод развития, в соответствии с которым любой аспект функционирования мышления может быть понят только в контексте понимания его природы и истории становления; 2) вывод о том, что высшие уникально человеческие психические функции имеют социальную и квази-социальную природу; 3) утверждение о том, что выс-

шие мыслительные функции опосредованы культурно обусловленными средствами и знаками и язык играет центральную роль в этом процессе, предоставляя возможность семиотического опосредования. В связи с последним следует упомянуть о том, что первые работы Л.С. Выготского были посвящены литературной критике и он принимал участие в дебатах русских формалистов, заложивших предпосылки для развития структурализма и других направлений в лингвистике, семиотике и теории литературы.

В-седьмых, Л.С. Выготский, как и многие другие выдающиеся современники (В. Джемс, Дж.-Г. Мид, З. Фрейд и др.) оперировал целостным, междисциплинарным знанием, позволяющим рассматривать человека системное нефрагментаризированное образование, акцентируя внимание на взаимодействие целого и составляющих его частей. Исследователи того времени обладали уникальной способностью уместить все человекознание в одной голове, коммуницируя друг с другом на основе этого системного видения. Цитируя Л.С. Выготского: «Мы старались исследовать отношение слова к предмету, к действительности. Мы стремились экспериментально изучить диалектический переход от ощущения к мышлению и показать, что в мышлении иначе отражена действительность, чем в ощущении, что основной отличительной чертой слова является обобщенное отражение действительности. Но тем самым мы коснулись такой стороны в природе слова, значение которой выходит за пределы мышления как такового и которая во всей своей полноте может быть изучена только в составе более общей проблемы: слова и сознания. Если ощущающее и мыслящее сознание располагает разными способами отражения действительности, то они представляют собой и разные типы сознания. Поэтому мышление и речь оказываются ключом к пониманию природы человеческого сознания. Если «язык так же древен, как сознание», если «язык и есть практическое, существующее для других людей, а, следовательно, и для меня самого, сознание», если «проклятие материи, проклятие движущихся слоев воздуха изначально тяготеет над чистым сознанием», то очевидно, что не одна мысль, но все сознание в целом связано в своем развитии с развитием слова» [1934, с. 336].

К сожалению, на смену им пришло огромное количество узких специалистов, обладающих узким специализированным знанием о фрагментах, но даже не обсуждающим контекст целостности. Человек же в своем взаимодействии с внутренним и внешним (социальным и природным) миром выступает как интегрированное целое со всеми своими противоречиями и решениями, обусловленными комплексным влиянием и биологической природы, и экзистенциальной вотканности, и бессознательных процессов, и влияния среды и многого многого другого, результирующего его поведение.

Для понимания вклада Л.С. Выготском в культурный переворот в психологии важно отметить и то, что он работал во время безусловного господства бихевиористской экспериментальной традиции в психологии, работавшей исключительно в стимульно-реактивной схеме и всячески избегая какого-либо упоминания, а тем более проникновения в находящийся между стимулами и реакциями «черного ящика», представляющего внутренний мир человека. Л.С. Выготский не побоялся войти в этот черный ящик, наполнив его культурным содержанием в виде языковой знаковой опосредованности, определяющей изменяющиеся по мере культурного развития изменения значений. «Открытие» этого ящика и привело к революционным процессам в развитии психологического знания и его перспективах.

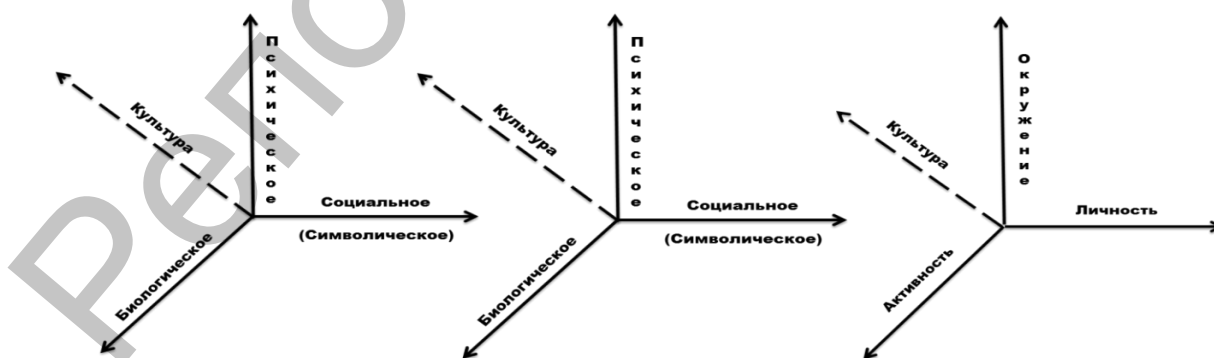
Центральное понятие культурно-исторического подхода «культура», в современном прочтении, вслед за R. Priest, трактуется как научаемая конфигурация по-

нятий, образов, обобщений, представлений, ценностей, норм и других символических элементов, широко разделяемых членами данного общества или социальной группы, которая функционирует как ориентационная и нормативная структура поведения и как коммуникативная матрица, посредством которой поведение интерпретируется, интегрируется, координируется и санкционируется. Культура не является статичным образованием, а представляет собой живой, саморазвивающийся механизм, качественно прирастающий на каждом последующем витке смены поколений, получающих в концентрированном и критически (или некритически) переосмысленном виде опыт предшествующих.

Культура, как это подчеркивает один из ведущих представителей культурной психологии J. Valsiner, «если она рассматривается как процесс семиотической медиации человеческой жизни, является инструментом, обеспечивающим гибкость человеческой психики при ее столкновении с многообразием обстоятельств... конструирования принципиально нового, раздвижения границ понимания и бытия» [Valsiner, 2014, с. 258]. Следовательно, культура может рассматриваться как медиатор и в контексте обозначенных пространств, а также их компонентов.

Развивая идеи Л.С. Выготского, наработанные на материале мышления и речи, я экстраполировал культурный контекст на все многообразие проявлений психологической феноменологии, описание которого представлено в различных системах парадигмальных координат, подходов и направлений исследований в рамках социокультурно-интердетерминистской диалогической метатеории интеграции психологического знания [Янчук, 2015; 2016 а; 2016 b; 2016 с.; Yanchuk, 2014; 2016].

В рамках метатеории разнокачественное, многомерное и мультипарадигмальное психологическое знание может быть отображено в рамках следующих четырехмерных континуумов, каждый из компонентов которых находится в состоянии опосредованной культурой интердетерминации: биологическое ↔ психическое ↔ социальное ↔ культурно обусловленное; осознаваемое ↔ бессознательное ↔ экзистенциальное ↔ культурно-обусловленное; личность ↔ окружение ↔ активность ↔ культурно-обусловленное. Визуализация этих пространств представлена на рис. 1.

Рисунок 1 – Четырехмерные континуумы репрезентации разнокачественных природ (биологическое–психическое–социальное), сфер отражаемой реальности (осознаваемое–бессознательное–экзистенциальное) и областей исследований (личность–окружение–активность) психологической феноменологии

Введенные четырехмерные пространства интеграции психологической феноменологии отражают сложившуюся в последние годы тенденцию окультуривания различных областей исследований и выраженного стремления к междисциплинарной интеграции и кооперации. В частности, обсуждая проблематику соотношения культурного и биологического применительно к человеческим эмоциям, D. Matsumoto и H. Hwang показывают, что культура регулирует эмоции посредством субъективных внутренних переживаний [Matsumoto D., Hwang H., 2012]. Культура влияет на относительную интенсивность эмоциональных переживаний. Она способствует возникновению культурных эмоций, которые являются уникальными в человеческой культуре и требуют культурных знаний для выявления. Эти эмоции могут быть универсальными, но не обязательно биологически обусловленными и могут различаться в различных культурах. Например, стыд, чувство вины, ревность и любовь существуют во всем мире, но обладают существенными культурными различиями в отношении культурных обстоятельств, вызывающих их, по форме выражения, функциям и значениям. Культуры также вырабатывают эмоции посредством формирования значений, проявляющихся в аттитюдах, ценностях и представлениях об эмоциях, требующих высших психических функций, включая абстрактное мышление, память и язык, направляющих то, как человек думает об эмоциях. Все это в высшей степени определяется именно культурой [Там же, с. 96].

Комплексное взаимодействие биологического, психического и социального начало активно изучаться и в медицине [Голи З.Х., 2014; Goli Z., Yanchuk V.A., 2012; Goli Z., Yanchuk V.A., Torkaman Z., 2015]. Эти факторы были интегрированы в рамках широкопризнанной био-психо-социальной модели. В соответствии с этой моделью, большое количество исследований было направлено на определение когнитивных факторов, сказывающихся на боли и недееспособности. Эти работы однозначно продемонстрировали, что аттитюды, представления, ожидания и копинг-стратегии пациента в отношении ожидаемых трудностей, а также сама система здравоохранения могут влиять на описание пациентами своей боли, активность, недееспособность, депрессию и реагирование на лечение. Роль культуры в этом процессе была убедительно показана в выполненном под моим руководством диссертационном исследовании З. Голи «Сравнение представлений, копинг-стратегий и способов регулирования боли у иранских и белорусских пациентов, испытывающих хроническую боль» [Голи З.Х., 2014]. Результаты этого исследования показали, что преодоление такого болезненного феномена как хроническая боль в существенной степени зависит от характера обращения с пациентом со стороны медицинского персонала, наличия у него психологической мотивации на излечение [Goli Z., Yanchuk V.A., 2012; Goli Z., Yanchuk V.A., Torkaman Z., 2015].

Такого рода исследования стимулировали и интеграцию междисциплинарную, ярким примером которой явилась состоявшаяся в 2014 году в Суджу (Китай) совместная конференция физиков, медиков и психологов, продемонстрировавшая продуктивность совместного обсуждения феномена человека и как био-психо-социальной сущности и как физического объекта [Yanchuk V.A., 2014]. Именно диалог представителей, казалось бы, качественно отличающихся областей знания позволил сформировать общее понимание специфики гетерогенности природы человека, своеобразия монодисциплинарных и мультидисциплинарных курсов рассмотрения феноменологии поведения и, главное, направления и потенциальные возможности в расширении горизонтов и углубления понимания проблематики.

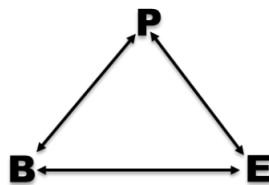
Традиционная концентрация на осознаваемых процессах познавательной активности благодаря гению Фрейда была дополнена измерением бессознательного, а в последующем – экзистенциального. В своем взаимодействии с внутренним и внешним миром человек предстаёт не только как перерабатывающая информацию познавательная система, но и находящаяся под существенным влиянием бессознательного, проявляющегося в формировании отношения к происходящему, прошлому и будущему, направляющему интерпретацию и актуализирующего интернализированные автоматизированные поведенческие алгоритмы и т.п. Человек не только принимает решения и реагирует на происходящее, но и переживает его, будучи вотканым в жизнь, в бытие-в мире. Блестящая плеяда экзистенциалистов (Хайдеггер, Бисвангер, Сартр, Кьеркегор) акцентировала внимание на вотканности человека в мир, на его переживания происходящего, связанность с миром, выраженную в бытии-в-мире. В отличие от Фрейда, блестяще препарировавшего болезнь, Кьеркегор пережил ее и описал изнутри. Такого рода вотканность и переживаемость бытия-в-мире, не схватывается классическими инструментами, остается за их рамками. Но она незримо, чувственно присутствует в поведении человека, определяя отношение к нему и интерпретацию, переживание и сопереживание, следовательно, не учитывать ее, значит уходить от реальности жизни, упрощать ее. М. Boss, подчеркивает в этой связи, что только подключая эпистемологии, обладающие способностью истинного постижения нашего «человеческого-бытия-в-мире», предоставляет возможность понимания комплексности природы поведения человека [1983].

Принцип диалогического интердетерминизма. Особое значение для развития психологического знания представляет вопрос взаимоотношения выделенных компонентов четырехмерных пространств. Традиционная фрагментаризация психологического знания на все более и более мелкие единицы в поиске своеобразных первоатомов психического приводит к утопанию его в огромном количестве аспектов и деталей, все дальше и дальше уводящих от понимания целостного, системного функционирования. Более того, качества системности психического, выражающегося в том, что в процессе взаимодействия этих отдельных фрагментов образуются новые качества, не сводимые к простой сумме составляющих систему элементов, тот самый гештальт, экспериментально установленный Вертгеймером на примере фи-феномена. Компоненты системы находятся в постоянном взаимодействии, образуя все новые и новые качества и качественно изменяясь на каждом последующем этапе взаимодействия. Реализуется та самая психодинамика и речь надо вести не о статике, а именно динамике психических процессов и явлений [Valsiner J, Molenaar C.M., Lyra M., Chaudhary N., 2009; Witherington, 2007].

Описание специфики взаимодействия, приводящего к качественному изменению системы, не сводимому к простой сумме составляющих её элементов, посредством классического принципа детерминизма является крайним упрощением реальности. Это послужило исходной посылкой обоснования принципа диалогической интердетерминации, содержательная характеристика которого и предлагается заинтересованному читателю.

По существу, речь идет об авторском развитии широко известной трехкомпонентной формулы К. Левина, описывающей поведение как функцию от личности и внешнего окружения $B=f(P, E)$. Переосмысление данной формулы в контексте реципрокной (взаимной) детерминации сделано выдающимся психологом современности А. Бандурой. Характеризуя подход Левина как ненаправленный, он предложил частично двунаправленную трансформацию его формулы в виде

$V=f(P \rightleftharpoons E)$. А. Бандура разработал принцип реципрокного детерминизма, представляющий следующее формализованное взаимоотношение данных элементов, отображенное на рис. 2.

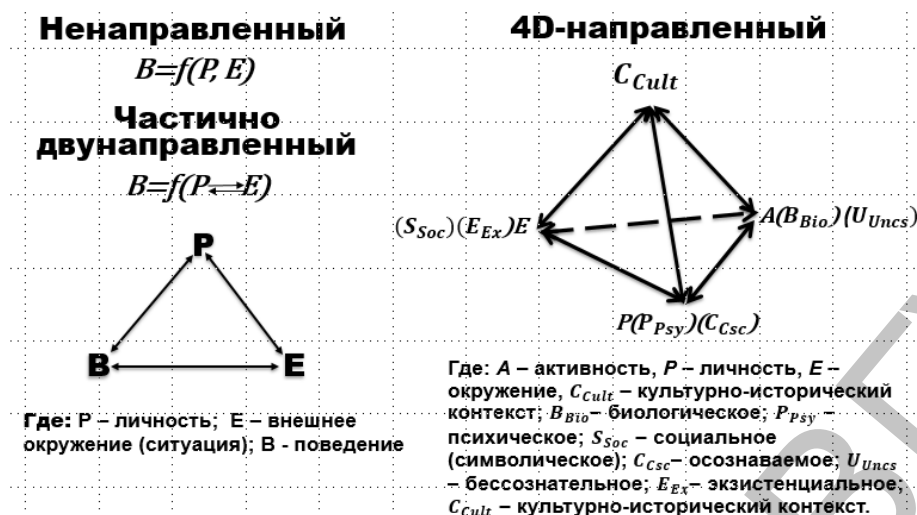
Рисунок 2 – Состояние реципрокного детерминизма. Где: P – личность; E – внешнее окружение (ситуация); V – поведение

Любое изменение одного из элементов обозначенной триады с неизбежностью приводит к изменениям в двух других и наоборот. Как подчеркивает А. Бандура, «в процессе реципрокного детерминизма поведение, внутренние личностные факторы и влияние окружения – это взаимозависимые детерминанты друг друга ... поведение и внешние условия функционируют как реципрокно взаимодействующие детерминанты» [Bandura, 1978, с.346]. По его мнению, «теория социального научения рассматривает реципрокный детерминизм как основополагающий принцип анализа психосоциальных феноменов различных уровней сложности, варьирующихся от внутриличностного развития, до межличностного поведения, до интерактивного функционирования организационных и социальных систем» [там же, с. 356].

Эта идея поддерживается результатами фундаментального исследования J. Масу, проведенного нетрадиционный анализ взаимной каузации в буддизме и общей теории систем [1991]. Ссылаясь на работы Людвиг фон Берталанфи по общей теории систем, автор подчеркивает, что «человек не пассивный получатель стимулов, поступающих из окружающего мира, но, в конкретном понимании, создатель собственного универсума» [там же, с. 81]. И далее, «активность в открытых системах, например, такая как трансформация энергии и информации во взаимодействии с окружающей средой, показывает, что каузальные процессы являются реципрокными или взаимными» [с. 94].

Эта же идея артикулирована в подходе «исторической экологии», развиваемого С.L. Crumley, подчеркивающим зависимый от обстоятельств и обладающий потенциально широким спектром возможностей характер человеческого приспособления к ограничениям окружающей среды [1994]. В нем утверждается, что не только человек адаптируется и регулирует свое поведение по отношению к внешней среде, но, одновременно, он прилагает усилия к изменению этой среды в целях достижения состояния устраивающего равновесия.

В развитие представленных подходов мною предложен принцип диалогического интердетерминизма, дополняющий принцип реципрокности интердетерминантой культурной обусловленности, носящей универсальный характер, включив ее также в континуумы биологическое–психическое–социальное и осознаваемое–бессознательное–экзистенциальное. Этим преодолевается косвенно присутствующее в представленных формализациях Левина и Бандуры сведение анализа психологической феноменологии только к пространству областей изучения. Отличительные особенности анализируемых подходов наглядно представлены на рис. 3.

Рисунок 3 – Сравнение ненаправленного (Левин), частично двунаправленного (Бандура) и полинаправленного (Янчук) взаимодействия детерминант (интердетерминант) поведения.

В предлагаемом подходе пространство личность – окружение – активность скорее отражает внешнее описание, не претендующее на более глубокие пласты понимания специфики психологической феноменологии. Включение пространства биологическое – психическое – социальное – культурно обусловленное расширяет горизонты видения проблемного поля психологической феноменологии на их комплексность. Природа человека в большей своей части социальна в смысле приоритетности ее символического качества, второсигнальной регуляции поведения. И не учет последней приводит к биологизаторству, сводящему многообразия проявлений психического как детерминированного различными комбинациями генов. Налицо все тот же редукционизм, периодически проявляющийся в сенсационных «открытиях» генов криминальности, супружеской неверности и т.п. Подобные редукции представляют собой не только вульгарное упрощение, рассчитанное на несведущую аудиторию, но и представляют социальную опасность за судьбу тех лиц, у которых эта комбинация идентифицирована. Я не говорю уже о проблеме этического аспекта подобного рода «открытий». Пример того же биопсихосоциального подхода, становящегося все более популярным, даже в такой консервативной области знания как медицина, говорит о значительно более сложном взаимодействии этих детерминант. Не акцентируя внимания на рассмотрении проблемы первичности той или иной интердетерминанты, я акцентирую внимание именно на аспекте взаимной обусловленности и взаимодетерминации. Тем более в уже обсуждавшейся культурной обусловленности и биологического, и психического, и социального.

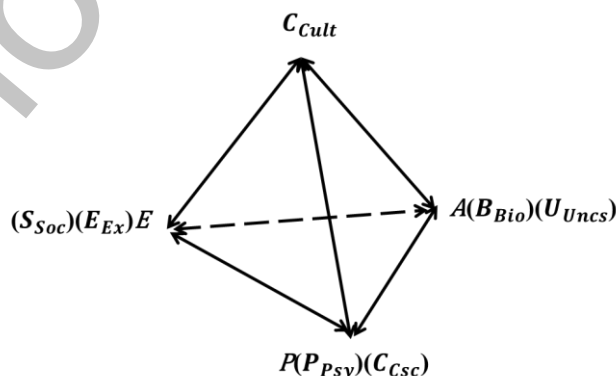
Отношение диалогической интердетерминации подчеркивает элемент взаимовлияющего и взаимоизменяющего его характера. Любое изменение одного из элементов неизбежно приводит и к изменению во всех взаимосвязанных элементах. Причем, происшедшие изменения приводят к изменению качества самой гетерогенной системы, получающей новообразования в виде расширения, переосмысления и перепереживания обретенного опыта. Эти элементы одновременно являются и автономными и взаимообуславливающими друг друга и последнее акцентирует внимание на том, что каждый из элементов не существует в качестве самодостаточного, а только во взаимоотношении с другими.

Приставка «интер» показывает способ, посредством которого мы можем преодолеть корневую метафору психологического понимания как на общедоступном, так и научном уровнях, сохранив их в исходном состоянии. Метафора такого рода представляет различие внутреннего и внешнего связанного с осмыслением пространства. Значение находится ни «внутри» ни «вовне»: оно находится «между» [Mininni 2010, с. 24-25]. Созидание и управление значениями являются процессами, организующими взаимодействие в том числе и разнокачественных природ и сфер психического. Именно во взаимодействии происходит (или не происходит) достижение своеобразного взаимоустраивающего компромисса, обеспечивающего либо оптимальное, либо минимально достаточное состояние существования, обеспечивающее интеграцию и координацию поведения.

В то же время само понятие взаимодействия является крайне ограничивающим по отношению к со-существованию разнокачественных сущностей, не обретающих новое интегрированное качество, а сохраняющих свою исходную уникальность, но образующих новое качество, находящееся вовне, над образующими его. Наиболее аутентичным для описания данного состояния является понятие диалога в его Бахтиновском понимании [Бахтин, 2002]. Когда люди находятся в диалоге, они взаимодействуют посредством взаимно активной динамики прояснения дискурсов подобно формированию значений и договариваются в сфере потребностей, интересов и желаний, которые будут достигнуты в случае достижения взаимного согласия, одновременно, сохраняя собственную уникальность и относительную автономность. Диалогический характер интердетерминистского взаимодействия проявляется, во-первых, в безусловном принятии Другого, обусловленном невозможностью несовместного существования в принципе, во-вторых, обретении нового качества взаимодействующими сторонами, не присутствующего ни в одном из них по отдельности. Эта специфика диалога как формы взаимодействия обусловлена еще и качественной специфичностью самого человека как объекта и субъекта познания. М. Бахтин подчеркивает в этой связи, что «субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только диалогическим» [1986, с. 383]

Таким образом диалог пространств приобретает вид пирамиды, каждый элемент которой равнозначен, изображенной на рис. 4.

Рисунок 4 – Состояние диалогической интердетерминации.

Где: A – активность, P – личность, E – окружение, B_{Bio} – биологическое; P_{Psy} – психическое; S_{Soc} – социальное (символическое); C_{Csc} – осознаваемое; U_{Uncs} – бессознательное; E_{Ex} – экзистенциальное; C_{Cult} – культурно-исторический контекст.

Изложенное позволило качественно расширить рамки принципа реципрокного детерминизма за счет акцентирования внимания, во-первых, на интердетерминационном характере взаимодействия личностных, ситуативных и активностных детерминант поведения, и, во-вторых, учета их культурной обусловленности. Здесь речь идет не о состоянии однонаправленной или частично двунаправленной детерминации, а качественно отличном характере взаимодействия диалогического свойства, предполагающего исходную равнозначность, взаимообусловленность и взаимовлияние, приводящего к формированию нового качественного состояния, не представленного в отдельно взятых детерминантах. Можно говорить о некоторой с Вертгеймеровским гештальтом, представляющим обретение целым новым качеством, не водимого к простой сумме составляющих его частей. В формализованном виде состояние диалогической интердетерминации в отношении континуума интердетерминант поведения можно представить в виде изображенной на рис. 5 формул:

$$\left\{ \begin{array}{l} A=f(P, E, C_{Cult}) \\ P=f(A, E, C_{Cult}) \\ E=f(P, A, C_{Cult}) \\ C_{Cult}=f(P, A, E) \end{array} \right. \left\{ \begin{array}{l} B_{Bio}=f(P_{Psy}, S_{Soc}, C_{Cult}) \\ P_{Psy}=f(B_{Bio}, S_{Soc}, C_{Cult}) \\ S_{Soc}=f(B_{Bio}, P_{Psy}, C_{Cult}) \\ C_{Cult}=f(B_{Bio}, P_{Psy}, S_{Soc}) \end{array} \right. \left\{ \begin{array}{l} C_{Csc}=f(U_{Uncs}, E_{Ex}, C_{Cult}) \\ U_{Uncs}=f(C_{Csc}, E_{Ex}, C_{Cult}) \\ E_{Ex}=f(C_{Csc}, U_{Uncs}, C_{Cult}) \\ C_{Cult}=f(C_{Csc}, U_{Uncs}, E_{Ex}) \end{array} \right.$$

Рисунок 5 – Состояние социокультурно-интердетерминистского диалогизма в пространстве личность – окружение -- активность (где: A – активность, P – личность, E – окружение, C_{Cult} – культурно-исторический контекст. B_{Bio} – биологическое; P_{Psy} – психическое; S_{Soc} – социальное (символическое); C_{Csc} – осознаваемое; U_{Uncs} – бессознательное; E_{Ex} – экзистенциальное);

Наглядная демонстрация специфики диалогической интердетерминации была продемонстрирована мною на примере феномена био-психо-социальной адаптации [Янчук, 2015]. Она представляет собой социокультурно-интердетерминистский диалогический процесс согласования природных, биологических и психологических состояний, социокультурных диспозиций, направленный на достижение баланса (физиологического, психологического, экзистенциального) во взаимодействии с непосредственным и опосредованным социальным и природным окружением. Причем, ситуация рассматривается в контексте комплексного интердетерминационного взаимодействия био-психо-социального или природного, психического и социального диалогического свойства. Интердетерминистский диалогический характер такого рода взаимодействия проявляется в постоянном изменении условий достижения найденного компромисса, выступающим в качестве одного из ведущих механизмов и условий развития.

В процессе диалогической интердетерминации формируется та самая интерсубъективность, определяющая достижение в том числе и межкультурного взаимопонимания. Как отмечают Chi-Yue Chiu с соавторами, «интерсубъективный подход основывается на трех предпосылках: (а) индивиды оценивают и формируют представления об интерсубъективной реальности в их социокультурных контекстах и некоторые из этих представлений отличаются от принятых личностных ценностей и убеждений; (б) индивиды действуют в соответствии с собственными представлениями об интерсубъективной реальности – иногда и значительно чаще, чем они действуют в соответствии с собственными ценностями и убеждениями; и (с) индивиды непреднамеренно подкрепляют и сохраняют интерсубъективную реальность в своих представлениях и действиях (вне зависимо-

сти от того валидны они или нет)» [Chiu C.-Y., Gelfand M.J., Yamagishi T., Shteynberg G., and Wan C., 2010, с. 483].

Интерсубъективный подход включает взаимодействие факторов личности и окружения все в том же контексте культуры. Он констатирует, что культура существует на множественных уровнях, представляя процесс коллективного строительства консенсуса членами культурного сообщества в целях управления экологией. Интерсубъективный подход рассматривает культурную обусловленность поведения как «целенаправленное поведение, направляемое стратегическим использованием культурно предписываемых скриптов (закодированных в интерсубъективном знании культуры) в среде людей, осведомленных о различных ограничениях и возможностях локального окружения для достижения значимых целей (например, эпистемических, и идентичности и коммуникативных целей)» [там же, с. 487]. Благодаря адаптивной природе культурно обусловленного поведения в случае возникновения средовых изменений соответственно меняется и оно. Таким образом, формирование интерсубъективности выполняет эпистемическую, коммуникативную функции, а также формирования идентичности.

Интерсубъективный подход предоставляет новую перспективу культурной компетентности. По общему признанию, индивиды, интернализовавшие основополагающие ценности и нормы собственной культуры или развившие автоматизированные культурные скрипты до уровня регуляторов поведения являются компетентными членами данной культуры. Более того, обладание интерсубъективностью составляет основу культурной компетентности, особенно для лиц, живущих в неродной культуре. Например, иммигранты, обладающие знанием культурных нюансов, демонстрируют лучшую социокультурную адаптацию [Kurman, Ronen-Eilson, 2004] и более социально компетентное взаимодействие (по параметрам достижения лично значимых целей и качества отношений) с членами коренной культуры [Li, Hong, 2001]. Наконец, межкультурные контакты меняют и культурную экологию. Частые межкультурные контакты могут изменять даже относительно гомогенное культурное пространство в мультикультурное, в котором сосуществуют местная и иностранная культуры [Giddens, 1985].

Заключение. Резюмируя изложенное, еще раз подчеркну непереоценимость вклада Л.С. Выготского в культурный переворот в психологическом знании. Именно благодаря его блестящим исследованиям стало осознаваться то выдающееся специфически человеческое качество знаковой или семиотической опосредованности его взаимодействия с внутренним и внешним миром. Помещая в знаковой форме мир в собственное сознание, человек получает уникальную возможность выхода за рамки данности, бытия здесь и сейчас, моделировать и прогнозировать, а, следовательно, и преобразовывать мир. Оценивая перспективы развития культурной психологии, мне видятся в следующих основных направлениях: 1) включение исследуемых феноменов в контексте многомерности, мультипарадигмальности и мультидисциплинарности, предполагающей привлечение ресурсов знаний, накопленных в сопряженных системах парадигмальных координат психологического знания и смежных областей знания; 2) осознание диалогико-интердетерминационного характера взаимодействия многомерных разнокачественных интердетерминант; 3) культуризация психологического знания посредством привлечения концептуального аппарата современной культуральной психологии; 4) выход за рамки персонцентризма за счет включения в плоскость анализа интердетерминирующего влияния эго-протяженности, включающей социальное и природное окружение, помещенное в конкретный историко-социокультурный контекст и т.п.

Список использованной литературы:

1. Бахтин, М.М. К методологии гуманитарных наук / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. Изд. второе. М.: «Искусство», 1986.
2. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960-х-1970-х гг. М.: Русские словари, 2002.
3. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – М.-Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. – 362 с.
4. Голи, З.Х. Сравнение представлений, копинг-стратегий и способов регулирования боли у иранских и белорусских пациентов, испытывающих хроническую боль / З.Х. Голи. Автореф. дис. – Минск: БГУ, 2014.
5. Янчук, В.А. К построению социокультурно-интердетерминистской диалогической метатеории интеграции психологического знания / В.А. Янчук // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете. Сборник материалов юбилейной конференции: В 5 томах. Том 1 / отв. ред. Богоявленская Д.Б. – М.: Когито-центр, 2015, с. 136-138.
6. Янчук, В.А. Социокультурно-интердетерминистская диалогическая метатеория интеграции психологического знания / В.А. Янчук // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете. Сборник материалов юбилейной конференции: В 5 томах. Том 6 / отв. ред. Богоявленская Д.Б. – М.: Когито-центр, 2016, 36 с., (в печати).
7. Янчук, В.А. Социокультурно-интердетерминистская диалогическая метатеория интеграции психологического знания в контексте проблемы социального прогресса / В.А. Янчук // Сборник материалов международной научно-практической конференции: В 8 частях. Часть 1 / Под ред. В.С. Белгородского, О.В. Кашеева, В.В. Зотова, И.В. Антоненко. – М.: ФГБОУ ВО «МГУДТ», 2016, с. 317-324.
8. Янчук, В.А. Диалогическая интердетерминация в системе четырехмерных пространств анализа кросс-культурной феноменологии / В.А. Янчук // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии: Материалы Пятой Международной научной конференции 27-28 мая 2016 г. В 2 т. / Отв. ред. В.В. Гриценко. – Смоленск: Изд-во Смоленского гуманитарного университета, 2016. Т. 1. С. 56-63.
9. Bandura, A. (1978) The Self-System in Reciprocal Determinism. *American Psychologist* / A. Bandura. 33(4), 345-358.
10. Bandura, A. (1986) *Social Foundation of Thought and Action: A Social Cognitive Theory* / A. Bandura. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
11. Chiu, C.-Y. Intersubjective Culture: The Role of Intersubjective Perceptions in Cross-Cultural Research Perspectives on Psychological Science / C.-Y. Chiu, M.J. Gelfand, T. Yamagishi, G. Shteynberg, and C. Wan. – 2010. – 5(4). – P. 482-493.
12. Crumley, C.L. (1994) *Historical ecocultural knowledge and changing landscapes* / C.L. Crumley. – Santa Fe.
13. Giddens, A. (1985). *The nation state and violence* / A. Giddens. – Cambridge, United Kingdom: Polity Press.
14. Goli, Z. Effect of Racial and Ethnical Differences in Pain Perception: Explaining the Effective Mechanisms / Z. Goli, V.A. Yanchuk // *on It Психологический журнал*. – 2012. – 3-4. – P. 41-50.
15. Goli, Z. Cross-Cultural Adaptation and Validation of the Russian Version of the Pain Beliefs and Perceptions Inventory (R-PBPI) in Patients with Chronic Pain *Current Psychology* / Z. Goli, V.A. Yanchuk, Z. Torkaman. – 2015. – 1-14 DOI.10.1007/s12144-014-9289-3. – Электронный ресурс: Режим доступа: <http://link.springer.com/article/10.1007/s12144-014-9289-3>.
16. Junne, F. Research prospects in BioPsychoSocial medicine: new year reflections on the “Cross-Boarder Dialogue” paradigm *BioPsychoSocial Medicine* / F. Junne, S. Zipfel. – 2015. – 9(10). – P.1-4.

17. Keith, K. Cross-Cultural Psychology: Contemporary Themes and Perspectives / K. Keith. (2011) – Wiley-Blackwell, 2011. – 577.
18. Kurman, J., Lack of knowledge of a cultures social axioms and adaptation difficulties among immigrants / J. Kurman, C. Ronen-Eilon // Journal of Cross-Cultural Psychology. – 2004. – 35. – P. 192–208.
19. Li, Q. Intergroup perceptual accuracy predicts real-life intergroup interactions / Q. Li, Y.-Y. Hong // Group Processes & Intergroup Relations. – 2001. – 4. – P. 341–354.
20. Macy, J. Mutual causality in Buddhism and general system theory: the dharma of natural systems / J. Macy. – NY: State University of New York Press, 1991
21. Matsumoto, D. Culture and emotion: The integration of biological and cultural contribution / D. Matsumoto, H.S. Hwang // Journal of Cross-Cultural Psychology. – 2012. – Vol. 43(1) . – P. 91-118.
22. Mininni, G. The Method of Dialogue: Transaction Through Interaction / G. Mininni // IPBS: Integrative Psychological & Behavioral Science. – 2010. – 44(1) . – P. 23-29.
23. Valsiner, J. Dynamic Process Methodology in the Social and Developmental Sciences / J. Valsiner, C.M. Molenaar, M. Lyra, N. Chaudhary (Eds.). – Springer, 2009. – 660 p.
24. Valsiner, J. Needed for cultural psychology: Methodology in a new key / J. Valsiner // Culture & Psychology. – 2014. – 20(1) . – P. 3–30.
25. Valsiner, J. An Invitation to Cultural Psychology / J. Valsiner. – SAGE Publications, 2014 – 290 p.
26. Witherington, D.C. The Dynamic Systems Approach as Metatheory for Developmental Psychology Human Development / D.C. Witherington, 2007. – 50:127–153.
27. Wertsch J.V. L.S Vygotsky's "New" Theory of Mind / J.V. Wertsch. // The American Scholar. – 1988. – Vol. 57 (1) . – P. 81–89.
28. Yanchuk, V. Sociocultural-Interdeterminist Dialogical Perspective of Intercultural Mutual Understanding Comprehension Deepening / V. Yanchuk // Open Journal of Social Sciences. – 2014. – 2. – P. 178-191. – <http://dx.doi.org/10.4236/jss.2014.28025>
29. Yanchuk, V. Sociocultural-interdeterminist dialogical metatheory of psychological knowledge integration / V. Yanchuk // International Journal of Psychology. – 2016. – Volume 51. – Issue 51. – July 2016. – P. 438. – <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/ijop.12310/full>.

КОСМАЧ В.А.

ВГУ имени П.М. Машерова, Республика Беларусь, г. Витебск, Московский пр-т, 33.
 Доктор исторических наук, профессор.
 v.kosmach@tut.by

УДК 159.9(091)(470)«19»

Л.С. Выготский: страницы жизни и научной деятельности (1896–1934 гг.)

Статья посвящена жизни и научной деятельности Л.С. Выготского, краткому анализу его научных работ и разработанной им «культурно-исторической теории» в психологии, научному вкладу Л.С. Выготского в развитие советской психологии 1920-1930-х годов.

Ключевые слова: Л.С. Выготский, психология, культурно-историческая психология, психика, воспитание, обучение, высшие психические функции.

L.S. Vygotsky: pages of life and scientific work (1896–1934)

The article is devoted to the life and work of LS Vygotsky, a brief analysis of his scientific work and developed their "cultural-historical theory" in psychology, the scientific contribution of LS Vygotsky to the development of the Soviet psychology of 1920-1930.

Key words: L.S. Vygotsky, psychology, cultural-historical psychology, mentality, education, training, higher mental functions.